

ПСИХОЛОГИЯ

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

В.А. Кольцова

Лаборатория истории и исторической психологии
Институт психологии Российской академии наук
Ул. Ярославская, 13, Москва, Россия, 129366

В статье рассмотрены актуальные вопросы становления исторической психологии, в частности такие вопросы, как предмет, структура и метод нарождающейся междисциплинарной отрасли знания — исторической психологии.

Обсуждать проблемы исторической психологии одновременно и легко, и сложно. Легко потому, что историко-психологическая феноменология в имплицитном виде широко представлена в различных реалиях нашей повседневной жизни, пронизывает любую осуществляемую нами историческую рефлексию, представлена в психическом мире современного человека.

Сложность же обсуждения проблем исторической психологии заключается в том, что мы все еще не располагаем необходимым инструментарием для достаточно полной и глубокой рефлексии и эксплицирования этого богатейшего и пока еще в значительной мере закрытого для нас материала.

В связи с этим правомерен вывод об актуальности и практической значимости исторической психологии как научной дисциплины.

Значение исторической психологии состоит прежде всего в открываемой ею возможности выявления и изучения исторического генезиса многих важных социально-психологических явлений и феноменов психической жизни человека нашего времени. Историческое прошлое тысячами нитей связано с различными сферами современной жизни. В нем — истоки многих проблем, которые нас волнуют сегодня, явлений нашей общественной и индивидуальной жизнедеятельности. Это касается не только роли культурного наследия, но и преемственности в психической сфере. Психический мир предшествующих поколений не является исключительной принадлежностью своего времени; он сохраняет зримый и весомый след в культуре и психике современного человека, в нашей

памяти, менталитете, воплощается и обретает свое бытие в фольклоре, верованиях, обычаях, обрядах, стереотипах поведения. Так, согласно концепции К. Юнга, в коллективном бессознательном воспроизводится и проявляется многовековой психологический ресурс, накопленный многими поколениями наших предков.

Обращаясь к исторической психологии, мы, таким образом, получаем возможность выявить корни актуальных проблем современности, эксплицировать и исследовать те феномены психической жизни, которые мы несем в себе имплицитно и воспроизводим в разных обстоятельствах, часто не осознавая их природу, содержание и роль как важного регулятора нашей деятельности, поведения и психического состояния. «Объяснение более близкого более далеким... порой гипнотизирует исследователей. Этот идол племени историков можно было бы назвать «манией происхождения»,— писал М. Блок [1. С. 19]. При этом нельзя не учитывать тонко подмеченную ученым опасность недифференцированного использования понятия «истоки»: как «начала» интересующего нас современного явления и как «причины», достаточной для его объяснения, т.е. «смещения преемственной связи с объяснением», вытекающего из обиходной трактовки этого слова. Подобную абберацию М. Блок называет «эмбриогенитическим наваждением» [1. С. 21, 20]. Совершенно очевидно, что знание начал явления, важное для выявления его генезиса, еще недостаточно для полного объяснения его современного состояния, ибо исторический феномен никогда не может быть понят вне его времени, накладывающего существенные коррективы на его содержание. Однако выявление истоков явления представляет большую научную ценность, давая исследователю важные ориентиры для углубленного изучения существующей проблемы, помогая определить направления научного поиска. Соотнесение истоков явления с формой его бытия в современной действительности позволяет воссоздать преемственные линии в его развитии, увидеть последствия и историческую динамику его преобразований в разных историко-культурных контекстах и тем самым косвенно выйти на выяснение причин его актуального состояния.

Историческая психология позволяет использовать опыт прошлого. Решая любую проблему, мы сознательно или бессознательно воспроизводим пришедшие к нам из прошлого нормы и формы деятельности, трансформируем применительно к новым условиям общечеловеческий опыт являющийся важнейшим эволюционным ресурсом развития общества. Осмысление и включение исторического опыта в реальное поведение и актуальную деятельность человека является естественным компонентом его бытия и существования как социального существа, субъекта культурно-исторического процесса. Историческая психология способствует превращению указанного реконструкционного процесса в сознательно контролируемый и управляемый, тем самым существенно расширяя субъективно-личностное пространство человека, увеличивая его познавательные и преобразовательные потенциалы и возможности во взаимодействии с миром, научая правильным стратегиям реализации жизненных

проблем, ограждая от принятия ошибочных и нерациональных решений. Х. Ортега-и-Гассет пишет: «Научимся, однако, извлекать из прошлого если не позитивный, то хотя бы негативный опыт. Прошлое не надоумит, что делать, но подскажет, чего избегать» [2. С. 311].

Историческая психология позволяет соотносить любое историческое событие, действие с психологией его участников, выявлять и с максимальной полнотой учитывать психологическую составляющую в историческом процессе; в этом заключается ее практический смысл.

Известно, что любое историческое преобразование, любая инновация в жизни общества может быть успешной только в том случае, если она базируется на учете особенностей психологии ее субъектов. И это является особенно очевидным в свете нового понимания истории как «одушевленного процесса». В настоящее время преодолевается долго бытовавшая в наших социальных науках недооценка психологического фактора истории на фоне преувеличения роли объективной причинности общественного развития. Неправомерность чрезмерного акцентирования значения принципа экономического детерминизма, вытекающего из общего духа марксистского учения, приводила к тому, что человек встраивался в рамки экономической структуры общества, терял свое уникальное место в истории как основной деятель, двигатель и создатель культуры.

В этом отношении представляет интерес критика марксизма, содержащаяся в работах известного русского мыслителя С.Н. Булгакова. Одну из главных особенностей и слабостей марксистской теории он видит «в недостатке внимания к конкретной, живой человеческой личности, иначе говоря, в игнорировании проблемы индивидуального под предлогом социологического истолкования истории». Для марксизма «проблемы индивидуальности, абсолютно неразложимого ядра человеческой личности, интегрального ее существа не существует. Марксист-мыслитель, невольно подчиняясь здесь Марксу-человеку, растворил индивидуальность в социологии до конца, т.е. не только то, что в ней действительно растворимо, но и то, что совершенно неразтворимо, и эта черта его, между прочим, облегчила построение смелых и обобщающих концепций „экономического понимания истории“, где личности и личному творчеству вообще поется похоронная песнь... Для взоров Маркса люди складываются в социологические группы, а группы эти чинно и закономерно образуют правильные геометрические фигуры, так, как будто кроме этого мерного движения социологических элементов в истории больше ничего не происходит, и это упразднение проблемы и заботы о личности, чрезмерная абстрактность есть основная черта марксизма...» [3. С. 61—62].

Необходимо отметить, что существует и иная трактовка данного аспекта марксизма, представленная, в частности, в работах последовательного сторонника этого учения Г.В. Плеханова. Предостерегая не в меру ретивых приверженцев экономического редукционизма в социологии, доказывая необоснованность обвинения марксизма в одностороннем экономическом детерминизме, он выступал против недооценки психологической составляющей общественно-ис-

торического процесса. В своей знаменитой «пятичленке» Плеханов специально выделял общественную психологию в качестве самостоятельного компонента структуры общества. Определяемая частью непосредственно экономикой, а частью выросшим на ней социально-экономическим строем, психика общественного человека, в свою очередь, согласно Плеханову, детерминирует развитие разных сфер общественного сознания; различные идеологии отражают в себе свойства этой психики. Однако и последующая острая критика указанной позиции Плеханова как чрезмерно психологизирующей общественную структуру, и реальная история жизни нашего общества убеждают, что и в теории, и в практике возобладало и на долгие годы утвердилось толкование марксизма, гипертрофировавшее роль экономических механизмов и умаляющее место человека в обществе.

Пришло время по-новому оценить роль человека как главного субъекта, двигателя, творца истории и с новых позиций решить вопрос о соотношении исторического и психологического факторов в историческом процессе. Необходимо четко осознать, что отношение человека к тем или иным историческим событиям определяет меру его включенности в социальные процессы, его индивидуальных усилий, направляемых на их реализацию, а значит, и сам ход общественного развития. И это должно стать важнейшим нормативом в области практической деятельности, каких бы сторон общественной жизни она ни касалась.

Историческая психология, акцентируя внимание на психологической составляющей, на проблеме ментальностей, способствует преобразованию исторической науки вообще, ее отказу от системно-структурной парадигмы, ставящей во главу угла рассмотрение «бестелесных социально-экономических механизмов» [4. С. 21] и переходу к антропологически ориентированной истории.

Особую роль историко-психологическое знание приобретает в переломные периоды истории: когда люди «начинают сомневаться в себе, они спрашивают себя, правы ли они были, вопрошая прошлое, и правильно ли они его вопрошали» [1. С. 7]. Как утверждает известный русский философ Н.А. Бердяев, «исторические катастрофы и переломы, которые достигают особой остроты в известные моменты всемирной истории, всегда располагали к размышлениям в области философии истории, к попыткам осмыслить исторический процесс...» [5. С. 4].

Рассматривая сущность понятий «историческое», «историзм», Бердяев пишет: «Для понимания „исторического“, для того, чтобы мысль была обращена и к восприятию „исторического“, и к его осмысливанию, необходимо пройти через некое раздвоение. В те эпохи, когда дух человеческий пребывает целостно и органически в какой-либо вполне кристаллизованной, вполне устоявшейся, вполне осевшей эпохе, не возникают, с надлежащей остротой, вопросы философии, вопросы об историческом движении и о смысле истории. Пребывание в целостной исторической эпохе не благоприятствует историческому познанию,

построению философии истории. Нужно, чтобы произошло расщепление, раздвоение в исторической жизни и в человеческом сознании, для того, чтобы явилась возможность противоположения исторического объекта и субъекта, нужно, чтобы наступила рефлексия, для того, чтобы началось историческое познание...» [5. С. 5].

Именно в переломные периоды обостряется интерес к проблеме роли и места человека в истории. Не случайно первым мощным стимулом к научной постановке проблем взаимоотношения психического и исторического стали события Великой Французской революции, потрясшие их современников. Вторым важным толчком, обусловившим конституционализацию исторической психологии как самостоятельной области научного знания, стала Вторая мировая война.

Наша страна в настоящее время как раз находится на перепутье, в зоне «исторических бифуркаций». И то, в каком направлении будет происходить развитие нашего общества, во многом зависит от того, какие уроки мы сумеем извлечь из своего исторического прошлого, насколько точно оценим свои достижения и просчеты, а также корреспондирующие с ними психические усилия и способности. Многие трудности, переживаемые нами сегодня, по мнению автора, обусловлены как раз недостаточным учетом особенностей менталитета нашего народа, его отношения к тем историческим инновациям, которые вводятся в нашу жизнь. Используемые нашими реформаторами социально-экономические модели, переносимые из других культур и не являющиеся экологически валидными для нашей отечественной действительности, не отвечающие порой интересам основной части российских граждан, а главное — духу нашего народа, его многовековым традициям, в силу этого с трудом укореняются в нашей жизни и не приводят к позитивному эффекту. При этом никто не попытался оценить, за счет каких психологических потерь осуществляется реформирование общества. Таким образом, сказанное позволяет констатировать прогностические возможности историко-психологического знания, дающего необходимые ориентиры для правильного и корректного решения всех актуальных и перспективных социально-исторических задач.

Своеобразие научного статуса исторической психологии состоит в том, что, представляя собой чрезвычайно актуальную и перспективную область знания, своего рода риперную точку, содержащую в себе огромный потенциал для развития разных наук в системе человекознания, она в то же время пока еще слабо разработана в отечественной науке. Поэтому особого внимания, на наш взгляд, заслуживает рассмотрение ключевых методологических проблем исторической психологии, касающихся определения ее предмета и методов исследования, места в системе науки, дифференциации различных направлений фундаментального уровня, рассмотрения интегральных понятий, отражающих психологические механизмы исторической изменчивости человека и общества.

Следует отметить, что междисциплинарный статус исторической психологии и переживаемый ею момент становления как научной дисциплины в системе человекознания открывает возможности широкого поиска и использования раз-

нообразных методолого-теоретических оснований, которые могут быть структурированы следующим образом:

— *методология гуманитарного исследования* — парадигмального знания;
— *теоретические построения* философии, истории, эволюционной генетики, герменевтики, культурологии, социологии, исторической этнографии и источниковедения, вскрывающие общие закономерности развития человека, общества, культуры: теории психоэволюции Ч. Дарвина, Г. Спенсера; критическая социология К. Мангейма; герменевтико-феноменологическое направление (И. Хейзинга, М. Хайдеггер, Г.Г. Гадамер, Г.Г. Шпет, П.А. Сорокин, Л.П. Карсавин, А.С. Лаппо-Данилевский, М.М. Бахтин и др.); социологическая теория Э. Дюркгейма; структуралистские концепции М. Вебера, Р. Барта, М. Фуко; философские подходы А. Бергсона, В. Дильтея, А.Ф. Лосева; теории исторической этнографии Э.Д. Тейлора, К. Леви-Строса, Л. Леви-Брюля и др.; культурологические концепции (Ф. Ницше, А. Шопенгауэр, Х. Ортега-и-Гассет, Г. Риккерт, А. Швейцер и др.); теоретические принципы критики источников и источниковедческого анализа М. Блока и др. представителей школы Анналов (Л. Февр, Ж. Дюби, Р. Мандру, Ж. Ле Гофф, М. Ферро и др.); «психологизирующая история» Л. Кавелина, Н.И. Надеждина, К.С. Аксакова, А.Я. Гуревича и др.;

— *фундаментальные общепсихологические теории* — психоанализ; теории психического в рамках филогенеза и онтогенеза; теория комплексного человекознания Б.Г. Ананьева и принципы целостного системного подхода в психологии Б.Ф. Ломова и др.;

— *специальные историко-психологические теории* — теория психологии народов В. Вундта; теория психолого-исторической реконструкции прошлого И. Мейерсона; психоисторические или психобиографические исследования Э. Эриксона, В. Райха; методология историко-психологического познания В. Штерна; концепции историогенеза психики П.П. Блонского, Л.С. Выготского, Б.Д. Поршнева и Ф. Кликса и др.; модели знаковой регуляции психики (Л.С. Выготский, А. Лурия, А.Н. Леонтьев, В.П. Зинченко, А. Асмолов, М. Коул, П. Тульвисте и др.), концепции *генеза социальной активности психики* З. Фрейда, Э. Канетти, С. Московичи и др.;

— *результаты эмпирических исследований* при решении конкретных задач в области исторической психологии (А.Д. Барская, Л.В. Спицина, Е.В. Харитоновна; И.Р. Федоркова, Т. Хоанг и др.) — прикладной уровень.

Одной из наиболее важных методологических проблем исторической психологии является определение ее *предмета и выявления его специфики*.

Самым общим и одновременно достаточно полным является определение исторической психологии как науки о субъекте психического мира (индивидуальном или коллективном) в историческом контексте. Психологическое и историческое — две равноправные и неразрывно связанные друг с другом стороны историко-психологической рефлексии, т.е. говоря об исторической психологии, мы имеем в виду межпредметное пространство, в котором пересекаются и сливаются интересы «психологизирующей истории» и исторически ориентирован-

ной психологии. Именно такое определение предмета истории, а по сути исторической психологии дает один из ее основоположников М. Блок, отмечая, что это наука «о людях во времени». «Историк, — пишет он, — не только размышляет о „человеческом“. Среда, в которой его мысль естественно движется, — это категория длительности... конкретная и живая действительность, необратимая в своем стремлении, время истории — это плазма, в которой плавают феномены, это как бы среда, в которой они могут быть поняты... Это подлинное время — по природе своей некий континуум. Оно также непрестанное изменение. Из антитезы этих двух атрибутов возникают великие проблемы исторического исследования» [1. С. 18—19]. Задача историко-научного познания, согласно М. Блоку и Л. Февру, состоит в том, чтобы воссоздать жизнь людей прошлого во всей ее полноте и сложности, проникнуть в их психический мир, увидеть и понять «живого человека» в его «плоти и крови». Созвучное этому определению исторической психологии дается В.А. Шкуратовым: «Историческая психология в широком значении слова — подход, помещающий психику и личность в связь времен» [6. С. 15].

Сложность определения исторической психологии в силу ее нетрадиционности и маргинального статуса, а также невозможность однозначного соотнесения ее со сложившимися схемами классификации наук побуждает к более детальному рассмотрению особенностей ее предметной области.

Историческая психология — это *относительно новая, молодая область знания*. История ее дисциплинарного существования насчитывает всего несколько десятилетий: в зарубежной науке она начинается с 40-х гг., в российской науке — с 70-х гг. XX в. Этим обусловлены характерные для нее «трудности роста»: отсутствие устоявшихся общепринятых подходов, неразработанность понятийно-категориального аппарата, слабость эмпирического базиса, спорность и дискуссионность многих обсуждаемых положений, необозначенность границ и проблемного поля историко-психологического исследования. Обратной стороной подобного состояния выступает научная толерантность и открытость исторической психологии для разных научных идей и исследовательских программ, что в известной мере обеспечивает повышение ее эвристического потенциала.

Исходным положением, лежащим в основе нашего анализа, выступает положение о *междисциплинарном характере исторической психологии* как области знания, формирующейся на стыке психологии с широким кругом наук, относящихся к области человекознания, — историей, социологией, политологией, культурологией, источниковедением. Историческая психология исследует психологическое измерение, представленное в изучаемых данными науками сферах реальности.

Очевидно, что наиболее тесным, непосредственно определяющим возникновение и конституирование исторической психологии как особой области знания является междисциплинарная связь истории и психологии. Об органической связи истории и психологии писал один из создателей исторической психологии

В. Вундт: «Историческая и психологическая точки зрения не независимы. Ведь вообще психологическое исследование возможно лишь на основе фактов, представляемых исторической наукой... Но и история, в свою очередь, может прийти к окончательному суждению о связи изучаемых ею процессов лишь апеллируя каким-нибудь образом к их психологическим мотивам» [7. С. 1].

История и психология — две основные «материнские науки» исторической психологии и поэтому правомерным является отнесение исторической психологии одновременно и к историческим, и к психологическим наукам. В связи с этим очевидно, что историческая психология как научная дисциплина не могла сформироваться раньше, нежели ее родительские науки не оформились в самостоятельные области научного исследования. Это произошло во второй половине XIX века, и именно тогда появился сам термин «историческая психология».

Что же стало основой объединения истории и психологии? Интересный ответ на этот вопрос дается в работах В.А. Шкуратова [6. С. 16]. Он справедливо подчеркивает различия этих двух областей знания, базирующиеся на альтернативных методолого-теоретических основаниях и различии в объектах исследования:

- история — описательная наука, психология — объяснительная;
- история имеет дело с мыслимым субъектом, с человеком прошлого, психология — с реальным, живым человеком;
- история и психология существуют также в разных временных регистрах: история изучает прошлое, психология — настоящее.

Однако, несмотря на указанные различия, есть также серьезные логические предпосылки для объединения этих двух наук в едином пространстве историко-психологического знания.

Во-первых, также как и исторические, психические явления всегда имеют темпоральные характеристики, различаются по времени, по продолжительности существования.

В качестве исследуемых и учитываемых интервалов времени в психологии выступают микрогенез психики (кратковременные длительности психических явлений), онтогенез (развитие в пределах жизни индивидуального организма), историогенез (период существования человеческих сообществ) и филогенез (время, вмещающее в себя и человеческие и дочеловеческие формы развития психического).

Во-вторых, согласно В.А. Шкуратову, история в целом (история человечества) и история отдельного человека имеют единый план строения, покоятся на трехмодальной структуре времени: прошлое, настоящее, будущее. Существовая в органическом единстве, прошлое, настоящее и будущее в то же время являются относительно самостоятельными. И именно возможность их противопоставления создает предпосылку для возникновения исторической психологии.

К сказанному выше мы могли бы добавить еще одну немаловажную предпосылку — взаимную заинтересованность истории и психологии во взаимодей-

ствии, обусловленную объективными потребностями логики развития научного знания: психология, вводя историческую переменную, тем самым расширяет область генетического знания; история же нуждается в том, чтобы выявить способ преобразования человеческого опыта в историческую реальность, глубже осмыслить роль психологической составляющей исторического процесса.

Возникнув на стыке двух наук, историческая психология образует специфическое междисциплинарное поле [6. С. 51].

Органичность связи истории и психологии в рамках исторической психологии не исключает, а наоборот, предполагает *выделение и дифференциацию двух ее аспектов*: психолого-исторического, отражающего путь от психологии к исторической психологии, и историко-психологического, подходящего к исторической психологии с позиций исторического знания.

Интегрируя знания принципиально отличных друг от друга наук, историческая психология бросает тем самым вызов как академической психологии, строящейся по канонам точного экспериментального знания, критерии научности которого восходят к естествознанию XIX в., так и позитивистски ориентированной исторической мысли (О. Конт, Г. Спенсер, Д.С. Милль), которая под флагом борьбы с «описательной историей» сосредотачивала внимание на изучении эволюции социально-экономических процессов, отношений и структур, игнорируя при этом конкретику особенного и единичного, так называемые «случайные» факты, к которым относились прежде всего психологические аспекты исторического процесса. Например, Контом социальная динамика мыслилась как «абстрактная история», или «история без человеческих имен и даже без имен народов». Законы и стадии развития общества выводились не из эмпирической истории, а из общефилософских принципов.

Противоположная тенденция была представлена, как известно, неоидеалистической «критической философией истории», подчеркивающей значение индивидуального начала в истории, несводимость исторического познания к естественнонаучному. Несмотря на различие формулировок и теоретической аргументации представителей такой «индивидуализирующей истории» (В. Дильтей, В. Виндельбанд, Г. Риккерт), все они, по сути, выступали против идеи детерминизма и применения научных методов в обществоведении в целом. В той или иной форме указанные подходы воспроизводились и в ходе последующих дискуссий.

И сегодня, когда процесс создания исторической психологии приобрел реальные очертания, важно избежать крайностей указанных подходов, *с одной стороны, отказавшись от примитивно позитивистских толкований, с другой — обеспечить должный уровень обоснованности и научной достоверности историко-психологического познания*. В реализации такой исследовательской стратегии мы видим важнейшее методологическое основание формирования исторической психологии не как сферы искусства интерпретирования, а как специальной научной дисциплины.

В-третьих, специфична та *теоретическая ниша*, которую занимает историческая психология в системе научного познания. Анализируя данный вопрос, коснемся прежде всего теоретического значения и места историко-психологического познания в системе психологической науки. Здесь необходимо выделить ряд принципиально важных моментов.

Историческая психология изучает особый класс детерминант — историческую детерминацию психики индивидуального и коллективного субъекта; она рассматривает человека как носителя исторических норм и ценностей, как объекта и субъекта исторического процесса.

Развитие психического мира человека осуществляется в процессе разнообразных и разноуровневых его связей с окружающим миром, опосредуется его включенностью в широкие макросистемы — общество, историю, культуру. С изменением культуры меняются и системы сознания и поведения. Например, правила общности, сохраняющиеся в ментальности человека русской культуры, претерпевают в современную эпоху серьезный удар со стороны индивидуалистических паттернов — правил «западного» поведения. Сложившиеся в течение длительного времени традиционные нормы жизнедеятельности порой меняют свое смысловое содержание на противоположное, что создает почву для коренных преобразований в экономике и социально-политической жизни. Историческая психология как раз фиксирует и изучает область, лежащую на стыке реальности психического мира с явлениями социально-культурного характера; исследует соотношение истории человека (или группы) с историей человечества в целом. Она прослеживает то, как человек вписывается в культуру, творит и преобразуя ее, и как он сам при этом определяется ею.

Сейчас признается взаимосвязь физической эволюции и культурного развития человека. Установлено, что культурный слой завершает становление человека как продукта синтеза биологических, психологических и социальных процессов. Показано, что генетические мутации и естественный отбор развивались до тех пор, пока человек не достиг того уровня развития, в котором пребывает и сегодня. Начиная с этого времени развитие гоминид стало зависеть от накопления культурных изменений, от изменений в производственных процессах и социальных, а не от физических изменений в организме, т.е. *культура непосредственно влияла на становление человека.*

Изучая человека в контексте истории как изменяющегося процесса, историческая психология тем самым представляет собой *область генетической психологии*. Именно так определяет историческую психологию один из ее основателей — И. Мейерсон. Историческая психология постулирует, что структуры сознания проявляются и определяются различными формами социокультурной процессуальности.

Историческая психология позволяет выявить истоки и генезис интересующих исследователя процессов, проследить направления и закономерности их развития, исследовать причины, лежащие в их основе и определяющие их динамику. Иными словами, в русле исторической психологии решаются самые

сложные для психологии и трудно уловимые в эмпирических исследованиях вопросы развития психических явлений, осуществляется переход от статического к динамическому их изучению.

Теоретический смысл исторической психологии состоит в том, что она имеет дело всегда с *целостным человеком*, чем преодолевается тенденция структурной раздробленности и мозаичности, характерная для позитивистской традиции в психологии и являющаяся неизбежным следствием экспериментально-аналитической парадигмы в науке. Как писал Л. Февр, «удобства ради, человека можно притянуть к делу за что угодно — за ногу, за руку, а то и за волосы, но, едва начав тянуть, мы непременно вытянем его целиком. Человека невозможно разъять на части — иначе он погибнет». Характеризуя традиционные подходы в истории, препарирующие целостную жизнь человека на отдельные фрагменты и изучающие их изолированно друг от друга, Л. Февр делает образное заключение, что историки «нередко только тем и занимаются, что расчлениают трупы» [8. С. 13, 67]. Этот упрек может быть в равной мере отнесен и к современной психологической науке, в которой по-прежнему преобладающую роль играет аналитическая методология исследования. Таким образом, историческая психология, имея дело с целостным человеком, бросает вызов сложившейся научной традиции и несет в себе мощный «антропологический заряд» [8. С. 13, 67].

Человек как носитель психики рассматривается в *его субъектной ипостаси*, оцениваемой А.В. Брушлинским в качестве высшего уровня психической организации, интегрирующий все другие его структурные компоненты. Это определяется собственно спецификой исследовательского подхода исторической психологии, состоящего в возможности психолого-исторической реконструкции психики по продуктам деятельности человека, или «деяний», как писал И. Мейерсон, что априорно предполагает рассмотрение человека как активно действующего субъекта. Таким образом, историческая психология реализует в полной мере субъектный подход, рассматриваемый как одно из наиболее перспективных методологических оснований современной психологии.

Историческая психология изучает не человека вообще вне его онтологической определенности как существующего вне времени и пространства, а *конкретно-исторически* — как представителя определенной культуры, ментальности, конкретной эпохи. Тем самым реализуется важнейшая познавательная функция исторической психологии в системе психологического знания, состоящая в переходе от абстрактных моделей человека к конкретно-научному исследованию психической реальности.

В-четвертых, особенность исторической психологии состоит в ее принадлежности не к естественнонаучной, а к гуманитарной области знания, не к объяснительным, а к описательным, интерпретирующим дисциплинам. Она не укладывается строго в рамки сциентистской парадигмы, характерной для психологической науки нашего столетия, ориентированной на изучение человека в первую очередь по его объективным показателям при минимизировании субъек-

ективной составляющей. Как писал М. Блок, «мы ныне лучше подготовлены к мысли, что некая область познания, где не имеют силы Евклидовы доказательства или неизменные законы повторяемости, может тем не менее претендовать на звание научной. Мы теперь гораздо легче допускаем, что определенность и универсальность — это вопрос степени. Мы уже не чувствуем своим долгом навязывать всем объектам познания единообразную интеллектуальную модель, заимствованную из наук о природе, ибо даже там этот шаблон не может быть применен вполне» [1. С. 13—14]. Блок считает, что науки о человеке в будущем не должны «отказываться от своей оригинальности или ее стыдиться» [1. С. 14].

В психологии оппозиция гуманитарного и естественнонаучного знания приобрела чрезвычайно острые формы. Еще в XVIII в. в работах Х. Вольфа психология разделяется на теоретическую, описательную (гуманитарную) и эмпирическую. Эта линия получила продолжение в работах Г. Спенсера, В. Вунда, в XX веке нашла отражение в размежевании естественнонаучной и гуманистической психологии. Теоретическим основанием указанной дифференциации научных подходов стало выдвинутое В. Виндельбантом разделение наук на 1) объяснительные, номотетические, законополагающие и 2) описательные, идеографические. Если первые вскрывают закономерные отношения, свойственные широкому классу явлений и предполагают статические методы доказательства, то вторые описывают и интерпретируют отдельные явления. Идеалом научности в русле естественнонаучной парадигмы является номотетический подход, и именно он становится господствующим в отечественной психологии XX в.

Определяя особенности гуманитарного знания, М.М. Бахтин пишет: «Гуманитарные науки — науки о человеке и о его специфике, а не о безгласной вещи, ее естественном явлении. Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), т.е. создает текст (хотя бы потенциальный). Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные науки...» [9. С. 477—478]. Гуманитарное знание всегда имеет дело с человеком, с продуктами его сознательной деятельности, творчества, с воплощенной в тексте человеческой мыслью. А из этого вытекают особенности гуманитарного знания — его принципиальный диалогизм, эмоциональная насыщенность (ибо человек не только мыслящее, но и чувствующее, переживающее существо), ценностное содержание, событийная, а не логическая последовательность.

Историческая психология относится к идеографическому знанию. Согласно Д. Брунеру, в отличие от «парадигматического, логико-сциентистского способа познания», схематизирующего и утрачивающего живого реального человека, именно «нарративный», повествовательный подход одушевляет мир, наделяет его смыслами и тем самым является наиболее пригодным инструментом изучения культурной ментальности.

В-пятых, особенность исторической психологии состоит в *специфике ее объекта*. Объект исторической психологии — индивидуальный и коллективный субъект в социокультурном времени. Им может быть и личность, и группа,

и массовидные явления (например, психологические феномены, возникающие в революционной ситуации, так называемый революционный невроз), но этот объект всегда дан в *непосредственной связи с историческим контекстом*, нередко удален от нас во временном пространстве, а порой скрыт толщей веков. Им может выступать, например, человек или народы, живущие в античности, в средневековье, в нашей или европейской культуре.

Отсюда вытекает еще одна особенность исторической психологии — это *специфика ее метода*. Невозможность реального взаимодействия с исследуемым объектом требует выбора и использования особых исследовательских техник. Место лабораторного эксперимента занимают в исторической психологии методы анализа результатов наблюдений и интерпретации историко-психологического материала. В качестве экспериментальной площадки, своеобразного естественного эксперимента здесь выступает история. Как отмечал В. Вунд, «существуют психические явления, которые недоступны эксперименту, но иногда там, где отказывает лабораторный эксперимент, за нас экспериментирует история», т.е. речь идет об особом рода «историческом эксперименте».

Особую роль в исторической психологии играет метод психолого-исторической реконструкции, предполагающий воссоздание исследуемых явлений на основе изучения различных источников, содержащих в себе объективированное выражение человеческой психологической переменной в реальном историческом процессе. Опираясь на методологию качественных исследований, в лаборатории истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН разработана и апробирована в ходе эмпирических психолого-исторических исследований процедура психолого-исторической реконструкции, представляющая собой поэтапное воссоздание психических явлений, базирующееся на принципах диалогического взаимодействия настоящего с прошлым. Основными принципами осуществления психолого-исторической реконструкции выступают: антипрезентизм; антиархаизм; субъектный подход к исследуемой реальности исторического прошлого; антиаприоризм в формулировании гипотез и теоретической модели объяснения исследуемых явлений, их уточнения в процессе исследовательского поиска, взаимодействия с прошлым; контекстность научного анализа и использование приемов вчувствования; системный и комплексный характер исследования.

Чрезвычайно важным методическим приемом является процедура комплексного исследования, представленная на уровне макрообобщений сравнительным анализом историографических, психогерменевтических, социокультурных, категориальных, психоаналитических разработок.

Принципиальным является вопрос о возможности использования в исторической психологии методов качественного анализа. По этому вопросу высказываются разные мнения. Большинство исследователей относят историческую психологию к области гуманитарного знания, утверждая, что количественный анализ не применим (или пока не применим) в исторической психологии. «Материализация воображения и воображенного в результатах поведения и дея-

тельности не укладывается в прокрустово ложе математических моделей анализа», — пишет Т.К. Рулина [10]. Еще более категорично указанную позицию отстаивает В.А. Шкуратов.

С нашей точки зрения, данное утверждение представляется достаточно спорным, ибо есть определенные предпосылки для использования исторической психологией количественных методов, в числе которых уже сегодня могут быть названы психология психосемантики, контент-анализ, методология психологического измерения культур Г. Хофстеде, методология «культурных синдромов» Г. Триандиса, экспериментальная психосемантика В. Петренко, открывающая перспективу для квантификации отчужденной психики с целью достижения большей точности и определенности научной аргументации. В ряде наших исследований продемонстрированы возможности использования количественных методов в обработке и обосновании научных данных.

Таким образом, рассмотрение особенностей исторической психологии позволяет вновь вернуться к ее предмету и дать его более развернутое и точное определение. *Историческая психология — это комплексная научная дисциплина, формирующаяся на стыке психологии с историей и взаимодействующая с целым рядом областей знания: культурологией, политологией, источниковедением, социологией.* Интегрируя принципы гуманитарного и естественнонаучного знания, историческая психология образует специфическое межпарадигмальное научное пространство и закладывает новые тенденции в изучение как психических явлений, так и исторических процессов. В предмете исторической психологии представлены, с одной стороны, процессы исторической детерминации и эволюции психики человека и психологических характеристик человеческих общностей в системе макровременных изменений, с другой стороны, психологическая составляющая исторического процесса.

Характеризуя *проблемное поле исторической психологии*, можно назвать следующие выделившиеся на сегодняшний день основные области ее исследований: психоистория, историческая психология познания, историческая психология личности, историко-психологическое изучение ментальностей, проблем повседневности, письменного сознания, коммуникаций, детства и семьи.

Перспективы дальнейшего развития исторической психологии связаны с последовательным углублением ее методологической рефлексии, укреплением междисциплинарного сотрудничества с родственными областями знания, разработкой методических подходов к изучению ментальных явлений прошлого и расширением эмпирического базиса историко-психологического знания.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Блок М. Апология истории или ремесло историка. — М., 1986.
- [2] Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Хосе Ортега-и-Гассет. Эстетика. Философия культуры. — М., 1991.
- [3] Булгаков С.Н. Карл Маркс как религиозный тип // С.Н. Булгаков. Героизм и подвижничество. — М., 1992.

- [4] *Le Goff J.* Faire de Histoire. V. 3, P., 1974.
- [5] *Бердяев Н.А.* Смысл истории. — М., 1990.
- [6] *Шкуратов В.А.* Историческая психология. — М., 1997.
- [7] *Вундт В.* Миф и религия. — М., 1910.
- [8] *Февр Л.* Бои за историю. — М., 1990.
- [9] *Бахтин М.М.* Литературно-критические статьи. — М., 1986.
- [10] *Рулina И.К.* Историческая психология // Учебно-методическое пособие. — Самара, 2002.

FEATURES OF THE SUBJECT DOMAIN OF HISTORICAL PSYCHOLOGY

V.A. Koltsova

Laboratory of History and Historical Psychology
Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences
Yaroslavskaya str., 13, Moscow, Russia, 129366

The known psychologist, the author of a number of important works on methodology of psychological science as a whole and historical psychology, in particular, considers pressing matters of the formation of historical psychology. Her attention is drawn to such matters, as the subject, structure and method of arising intersubject branch of knowledge — historical psychology.